

Интервью с Яков Ильичем ГИЛИНСКИМ

«МОЁ “ЛИЦО” – ВРОДЕ ПРОФЕССИОНАЛ, НО ВСЕ ВРЕМЯ КУДА-ТО ЗАНОСИТ»

Гилинский Я. И. – закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ. Основные области исследования: криминология и социология девиантного поведения. [Первое биографическое интервью](#) с Гилинским состоялось в 2005 году, настоящее – в августе 2013-январе 2014 гг.

25 августа 2012 года я писал Я.И. Гилинскому: «Яша, как интересно история легла, я ничего не подтасовывал. Сегодня 25 августа 2013 года, а вот фрагмент из моего письма тебе от 24 августа 2004 года, т.е. ровно девять лет назад: «Так случилось, что в ближайшем выпуске “Телескопа” ты найдешь мою большую статью о Грушине <...> В том ж выпуске будет сообщение о том, что журнал открывает новую рубрику “Современная история российской социологии”, Михаил Илле попросил меня ее вести, и я согласился. Считаю очень важным изучать историю «нашего» времени». И далее шел вопрос: «Может и ты что-либо вспомнишь и напишешь?». В моем архиве не сохранился твой ответ, но, похоже, ты отнесся к моему вопросу положительно. Во всяком случае, 9 января 2005 года, когда рубрика начала оформляться, я написал тебе: «...хотел бы я и с тобою поговорить. Найдешь ли время? Найди время. Хватит ли энергии? Отыщи. Моя точка зрения, что это надо». И буквально через несколько минут я получил твой ответ: «... конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною...».

То наше интервью протекало стремительно, оно было опубликовано в «Телескопе» №2 за 2005 год ¹ и представлено в томе 2 этой книги: Я. И. Гилинский: «...Я начинал как чистый уголовник...» http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/Publications/tom_2_2_4.pdf

¹ Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. №2. С. 2– 12.

Гишинский Я. И.: «Моё “лицо” – вроде профессионал, но всё время куда-то заносит»

Что главное произошло в твоей профессиональной жизни? Что в целом тебе удалось сделать с 2005 года?

Как катастрофически бежит время! Я думал, лет 5 прошло с нашего предыдущего разговора...

Когда перевалило за 70 лет (и уже вплотную подходит к 80...), начинаешь думать о подведении итогов. Поскольку я давно живу по Кодексу бусидо: «Ложась спать, думай о смерти; утром, вставая, думай о ней», – я спешу в этом самом подведении (впрочем, кому это надо?..).

Есть два «раздела» моих итогов. Один – персональные работы. Так, в 2007 г. вышло второе издание моей «Девиантологии» (СПб: Юридический центр Пресс, 2007), а в 2013 г. – третье издание и последнее (СПб: Алеф-Пресс, 2013). Книга – свыше 630 страниц и более 950 использованных литературных источников, так скрупулезно собранных моей музой (и женой по совместительству) – Наташей Проскурниной. В 2009 г. вышло второе издание мой «Криминологии» (СПб: Юридический центр Пресс, 2009). Попытаюсь успеть подготовить третье издание в 2014 г. (ЕБЖ¹). В 2013 г. вышла моя монография «Социальное насилие» (СПб, Алеф-Пресс, 2013). Это своеобразное научное воплощение моих печальных мыслей о роде человеческом... В книге говорится о насилии криминальном и политическом, экономическом и воспитательном, образовательном и медицинском... Одним словом, о тотальности и системности насилия рода Homo Sapiens (правильнее – sub-sapiens...), в отличие от животного мира. Конечно, многое в ней не отражено: насилие спорта, насилие религии, но я очень спешил, дабы успеть высказаться и тем облегчить душу... Кроме того, в 2004, 2009, 2013 годах вышли сборники моих избранных русскоязычных статей, а в 2009 г. – англоязычных статей (первый такой сборник еще в 2000-м). В 2010 г. опубликована книга «Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары» (СПб: ДЕАН, 2010). Название говорит само за себя. Помимо сугубо личного (как в 1934 г. меня вытасили на этот свет, вопреки моему категорическому несогласию; нечто о блокаде Ленинграда; немного о проводимых мною уголовных делах и т. п.), – в книге есть подводящие итоги философские, девиантологические, криминологические главы.

Второй «раздел» итогов, не менее важный (для кого важный?!) – коллективные монографии, затеянные мной, вышедшие под моей редакцией и с моим участием, объединившие труд подельников (соучастников) в развитии отечественной девиантологии. У нас с коллегами и ранее были коллективные монографии (о девиантности в России за два столетия, о социальном контроле над девиантностью), но с середины 2000-х годов вышла серия фундаментальных, как мне кажется, коллективных монографий по наиболее актуальным проблемам: «Глобализация и девиантность» (СПб: Юридический центр Пресс, 2006), «Конструирование девиантности» (СПб: ДЕАН, 2011), «Девиантность в обществе потребления» (СПб: Алеф-Пресс, 2012). Сейчас готова и 01.01.2014 г. отдана в издательство («Алеф-Пресс») очередная и, думаю, последняя, завершающая коллективная монография «Творчество как девиантность». Как говорится, дальше ехать некуда... В тех же целях сплочения девиантологических сил создан (под мудрым руководством К. Белоусова) наш сайт абсолютно независимого Санкт-Петербургского Центра девиантологии (<http://deviantology.spb.ru/>), в который входят и публикуются друзья-коллеги из Петербурга, Казани, Тюмени, Уфы, Чехии (москвичи, конечно, полагают сие ниже их достоинства...). Приглашаются все желающие!

¹ Кто забыл Л.Н. Толстого, напомню: ЕБЖ – если буду жив.

Относительно новыми для меня по тематике явились знаковые статьи, с одной стороны, «Исключенные навсегда» (2011) – о безнадежном отставании России от цивилизованного мира и развитых стран и, с другой стороны, «Новый мир? Размышления профана» (2012), «Два лица экономической свободы» (2012) и ««О, дивный новый мир!». О. Хаксли сегодня» (2012) – об экономическом, политическом неблагополучии в современном мире. Начинает последнюю серию статья «Все плохо!» (2011) с эпиграфом из тов. Сталина: «Оба хуже!»... Если – коротко, то это: социализм очень плохо, капитализм тоже плохо, и tertium non datur (третьего не дано)... А в 2013 г. написана, вывешена на сайте cogita.ru и отправлена для публикации в один из журналов моя «итоговая» на эту тему статья «Ultra pessimo, или Homo Sapiens как страшная ошибка природы...». Думаю, что уже название говорит о содержании, и все же, заключительные слова: «Итак, рабовладение – плохо, феодализм – плохо, социализм – плохо, капитализм – плохо... И все хуже и хуже... Конечно, остаются солнышко (иногда), вкусная еда (не для всех), любимые женщины / мужчины, музеи, горы и моря, кошки и собаки... Надолго ли?...».

Что касается моей «профессиональной жизни», то, пожалуй, ничего нового: работаю зав. кафедрой уголовного права РГПУ им. А.И. Герцена, профессором кафедры уголовного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, деканом юридического факультета Балтийского института экологии, политики, права (БИЭПП). Езжу на все ежегодные конференции Европейского общества криминологов, на Мировые криминологические (последний раз в 2011 г. в Кобе) и социологические (последний раз в 2010 г. в Гетеборге, готовлюсь к 2014 г. в Йокогаме, ЕБЖ) Конгрессы.

В моих интервью с Андреем Алексеевым и Вячеславом Бачининым отмечается, что увольнение из Социологического института РАН обернулось для них мощной активизацией профессиональной деятельности. Произошли ли это и в твоём случае? Если «да», то как бы ты мог это объяснить?

Честно говоря, я об этом не задумывался. Возможно, что это и так. Если – так, то есть минимум два объяснения. Во-первых, это совпало с возрастом, когда профессиональная деятельность вошла в привычку, стала жизненной необходимостью, достигнутый уровень позволяет быстро ориентироваться в меняющейся ситуации и быстро «научно» объяснять происходящее, а остальные интересы (от девочек до компаний с выпивкой...) отошли на задний план. Во-вторых, просто времени больше освободилось! Работал я на четырех работах, а остался всего на трех! Время девать некуда – знай, работай!...

Яша, ты много преподаешь, пишешь и публикуешь, выступаешь на многих конференциях в России и за рубежом, наверное, под твоим руководством выполнено достаточное количество кандидатских диссертации и к тебе приходят консультироваться докторанты. Расскажи, как тебе удается поддерживать уже многие годы столь высокую научную и преподавательскую активность?

Это, пожалуй, самый сложный вопрос. Как знать, чего не знаешь?... Может быть, генетика. Возможно, «закалка» с детства: с 4 класса, сразу после снятия блокады, до сего дня утром делаю зарядку; зимой ходил без шапки в легкой куртке; работая в Ленинградской области, три года «моржевал»; позднее лазал по горам (Кавказ, Алтай, Карпаты), «бегал от инфаркта»... Очень важно не ходить к врачам! Конечно, к 80-летию поднакопилось болячек, но к врачам стараюсь не ходить: установят 100 диагнозов и 200 способов лечения, каждый из коих противоречит предыдущему. Всегда помню о трех видах белой смерти: соль, сахар, люди в белых халатах... + работать интересно, писать интересно (может болезнь такая: графомания), спорить интересно. И, конечно,

моя муза, поддержка, все понимающая Наташа... В старости это намного важнее, чем в молодости. Генетически я еще и «сова». Утром весь мир ненавижу. Это как раз подходящее состояние для официальной (на людях) работы. Вернувшись домой и, поев, сплю 15-40 минут. После этого – «как огурчик», и могу работать до двух часов ночи. А то и позже. Все гениальные мысли приходят после полуночи... И, наверное, еще – Жажда Жизни (повесть такая есть И. Стоуна о Ван-Гоге): любил женщин, люблю коньяк (настоящий, французский) и хорошее вино (французское, итальянское), страстно люблю путешествовать, люблю море и солнце, музеи, собак и кошек, ну, и люблю работать, творить (ой, как неприлично пафосно все это звучит! Умолкаю).

Сейчас российская криминология развивается в большей степени по Западным направлениям или ищет что-то свое?

Хотим мы того или нет, любая наука интернациональна. Сейчас уже трудно отделить «наше» от «западного». Я бы сказал, что ничего особенного «нашего» я не наблюдаю. Другое дело, что мы плохо знаем развитие современной зарубежной криминологии. Постмодерн, «культуральная криминология» мало известны, и слабо осваиваются. Еще в 70-е – 80-е годы у нас издавалась (переводилась) зарубежная криминология (труды Р. Мертона, Н. Кристи, В. Фокса, Р. Кларка, У. Бондесон, М. Анселя, Х. Тама, Э. Шура и др.). Сейчас практически ноль. За несколько лет перевели не без моей помощи «Криминологию» Дж. Шели (2003) и переводится с подачи московских правозащитников (!) Н. Кристи и Дж. Брейтуэйт (2002), и все! Я привожу с каждой зарубежной конференции одну-две книги зарубежных коллег, но это никого, кроме меня, не интересует. Недавно вышла моя большая статья «Некоторые тенденции мировой криминологии», в которой я по мере своих знаний описываю ситуацию. В этой же статье приводятся результаты проделанного мною контент-анализа тем докладов на 11 европейских криминологических конференциях и четырех мировых конгрессах, всего свыше 6,5 тысяч выступлений. Можно проследить, как меняется мейнстрим мировой криминологии. Мы страшно отстаем по исследованию киберпреступности, почти не проводятся эмпирические исследования, не используются математические методы анализа. Приятным исключением «математизации» криминологии являются работы представителей «Тюменской школы» – С.Г. Олькова, И.С. Скифского, Э.Г. Юзихановой. Мы плохо знаем новеллы пенитенциарной политики развитых стран (а, зная, пренебрегаем ими...). Кстати, извини меня, я не считаю США вполне цивилизованной страной, пока в штатах сохраняется смертная казнь, и США устойчиво занимают первое место в мире по числу заключенных на 100 тыс. населения (Россия – на втором месте...).

Каков уровень современной российской криминальной (девиантной) статистики? Она отражает происходящее в стране?

Уровень статистики крайне низкий. Да, МВД РФ, Верховный Суд РФ и другие ведомства вывешивают статистику на своих сайтах. Но она крайне убога по «номенклатуре» (особенно, когда сравниваешь, например, с уголовной статистикой Германии! Bundesministerium des Innern представляет полные сведения о различных видах преступности, субъектах преступлений, их жертвах, в разрезе по землям Германии и городам!). МВД РФ выпускает (выпускало?) ежегодные статистические сборники «Преступность и правонарушения». В 1990–1991 гг. их можно было купить в книжных магазинах. В 90-е годы мне их присылало по почте статистическое управление МВД. В 2000-е годы я доставал эти сборники «по благу» через московских друзей. С 2009 г. я ничего и никак не могу добыть... Судя по отчаянным письмам в Интернете, их ищут не я один, и все – тщетно... Сейчас на сайтах МВД, ФСИН и МЮ вывешивается статистика, но столь убогая и не сопоставимая, что работать с ней практически невозможно.

Еще хуже ситуация с «девиантной» статистикой. Самые примитивные данные о самоубийствах (общее количество завершённых суицидов) я смог раздобыть до 2010 г. Данные об алкоголизации и наркотизации населения еще более сомнительны: по принципу «глава федеральной службы считает...».

Постоянное манипулирование уголовной статистикой, массовое сокрытие преступлений от регистрации, «пересортица» (когда жертва убийцы погиб не сразу, а в больнице, преступление квалифицируется не по ст. 105 УК – убийство, а по п.4 ст. 111 УК – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего) – привели к тому, что профессор М. М. Бабаев заявил в марте 2009 г.: «Ни одной цифре, которая публикуется официально МВД, я – сотрудник МВД, полковник милиции в отставке – не верю. Это бессовестная ложь». Впрочем, примерно так же охарактеризовал российскую уголовную статистику Д. А. Медведев, будучи президентом страны...

Такое отношение к нашей «статистике» порождает сейчас удивительные вещи. Дело в том, что, начиная с 2002-2007 г. количество и уровень почти всех преступлений, включая убийства, кражи, грабежи, разбои в России неуклонно снижается. Так, если уровень убийств (на 100 тыс. жителей) в 2001 г. был 23,1, то в 2012 г. он составил 10,1; уровень разбойных нападений в 2005 г. был 44,1, а в 2012 г. – 13,2. Так вот, все российские криминологи (кроме Гишинского), считают, что такое сокращение – только результат все большего сокрытия преступлений от регистрации, а в действительности преступность растет. Между тем, сокращение преступности с конца 90-х – начала 2000-х наблюдается почти во всем мире (за исключением некоторых государств Латинской Америки)! Причем уровень убийств в США, странах Балтии и России сократился за эти годы в два раза! Представить себе, что полиция США, России и Литвы договорились об одновременном и равными темпами сокрытии убийств от регистрации представляется маловероятным... Более того, одна из сессий 12-й Конференции Европейского общества криминологов (Бильбао, сентябрь 2012) была посвящена проблеме «The Crime Drop» (снижение преступности). Участники отмечали непрерывное снижение уровня преступности в Германии, Великобритании, США, Нидерландах и пытались объяснить этот феномен. У них, как и у меня лично, есть ряд гипотез, но их обсуждение выходит за рамки нашей беседы. Впрочем, назову две мои гипотезы: (1) преступность, как любое сложное социальное явление, развивается по своим собственным законам, не обращая внимание на работу полиции и уголовной юстиции... С окончания Второй Мировой войны количество преступлений и уровень преступности (в расчете на 100 тыс. населения) росли во всем мире, а с конца 1990-х – начала 2000-х – сокращаются. (2) Основной субъект «уличной преступности» (street crime), определяющей статистику («беловоротничковая» высоко латентна), – подростки и молодежь, а они последние десятилетия уходят в виртуальный мир Интернета. Там они встречаются, любят (может уже рожают?), убивают, воруют, мошенничают, удовлетворяя неудовлетворенную в реальной жизни потребность в самоутверждении, самореализации... Важно, что неверие отечественной статистике и незнание зарубежной вызывает неадекватную оценку происходящих сложных социальных процессов.

Ты работаешь на трех юридических кафедрах, уверен, в СПб есть и другие университеты, готовящие юристов. Неужели все ваши выпускники находят работу по специальности?

В Санкт-Петербурге десятки юридических вузов и факультетов. Конечно, не все выпускники работают строго по специальности. Но, во-первых, это происходит со всеми специалистами – педагогами, врачами, биологами, историками и т. п. Во-вторых, юриспруденция (правоведение) достаточно широкая профессия. Если

юристы по образованию работают на государственной службе, открывают свои фирмы, идут в политику – это работа по специальности или нет? Ты же знаешь, например, что парламенты и ведомства во всех странах, включая США, забиты юристами!

Как ты считаешь, какие проблемы ставит перед тобой, социологом-криминологом, нынешняя социально-политическая, нравственная ситуация в России?

«Нынешняя социально-политическая, нравственная ситуация в России» не просто «ставит проблемы», она зовет на баррикады! Но баррикад нет, сам я не герой, вынужден ограничиваться статьями, комментариями, интервью. Сегодня, благодаря Интернету, все это легко найти: в моем блоге на сайте Саратовского центра по исследованию проблем организованной преступности и коррупции – <http://crimpravo.ru/> (56 моих статей, 990 комментов, всего 1046 контентов – графомания, однако!), на выше упомянутом сайте Центра девиантологии, на сайте Cogita.ru (<http://www.cogita.ru/kolonki/kolonki/yakov-gilinskii>), а также, набрав в Яндексе «Гишинский Яков» (только видео – около 50 докладов и интервью).

Я постоянно выступаю против безмерной ксенофобии, против раздуваемой гомофобии, против клерикализации общества, политики, образования (что особенно страшно, преступно!), против религиозного мракобесия. Я подписываю письма в защиту Pussy Riot (как юрист, утверждаю: в их действиях НЕТ состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ!), в защиту М. Ходорковского и П. Лебедева, в защиту Greenpeace (НЕТ в их действиях ни «пиратства» – полный бред, ни хулиганства), в защиту РАН. Наше «правосудие», наши «правоохранительные» органы ниже всякой критики.

Основные проблемы нашей науки (криминологии, социологии) – отсутствие финансирования эмпирических исследований; отсутствие финансирования поездок отечественных ученых на зарубежные конгрессы, конференции, симпозиумы, и на приглашение зарубежных коллег; сокращение публикуемых данных официальной статистики преступности, самоубийств и других девиаций; старение кадров, молодежь не заинтересована работать за нищенскую зарплату в высшей школе и академических учреждениях. Стыдно сказать, по данным, публикуемым Европейским обществом криминологов, за последние годы его членами и участниками европейских конференций были свыше 150 криминологов Великобритании, около 100 из Бельгии, свыше 60 из Германии и Нидерландов и т.п., а также 4 из Эстонии, 3 из Литвы, 2 из Армении и по одному из Албании, Мальты, Тринидада и Тобаго и ... России [1]. Уже много лет я в одиночку представляю Россию на таких конференциях... Надо ли говорить, что ездить приходится за свой счет, ни один вуз не оплачивает такие поездки, а бывшие travel grant исчезли вместе с выгнанными из страны иностранными фондами...

Есть ли признанные в научном сообществе показатели криминогенности страны (общества)? Наверное, что-либо в этом роде есть... каково место России в этом пространстве?

В свете того, что я говорил о нашей статистике, ответственно утверждать о наличии «признанных показателей» не приходится. С моей точки зрения, есть два относительно верных показателя благополучия/неблагополучия: уровень убийств и уровень самоубийств. Я давно, в 80-е годы разделил все страны мира на четыре категории по соотношению уровня убийств к уровню самоубийств. Так вот, и по уровню убийств (несмотря на его сокращение последние годы), и по уровню самоубийств (несмотря на его сокращение с 39,7 в 2001 г. до 23,5 в 2010 г., максимум – 41,8 был в 1994 г.) Россия занимает одно из первых мест в мире. По убийствам – после Гондураса, Колумбии, ЮАР, по завершенным самоубийствам – после Литвы, по самоубийствам

¹ Criminology in Europe. Newsletter of the ESC. 2010, №2, с.6-7, 2011, №2, с.6-7.

подростков – впереди планеты всей....

Во главе государства и правительства стоят два юриста, два выпускника ЛГУ; ты лично к их образованию никакого отношения, по-моему, не имеешь, тебя ЛГУ до студентов не допускал. Но и В.Путина, и Д.Медведева учили твои коллеги, многих из которых ты знаешь. Как же так произошло, что при них наблюдается и рост криминогенности общества, и низкий уровень статистики, описывающей криминогенные процессы?

В ЛГУ я пару лет работал почасовиком на юрфаке, вел уголовный процесс. Но я, действительно, никого из них не учил. Моя старшая дочь училась все пять лет с В.В. Путиным и А.И. Бастрыкиным, но не виновата она!!... Я думаю, что образование не имеет отношения к «внутренностям» человека. С любым образованием могут быть люди честные, порядочные, совестливые и – совсем наоборот. Растет криминогенность не общества, а вполне определенных властных и окол властных структур. Некоторые процессы (глобализация преступности, межгосударственная деятельность организованной преступности, глобальные сети по торговле людьми и органами, и т.п.) – интернациональны, и Россия идет в ногу. В чем-то опережая, в чем-то отставая. Трагедия России не в криминализации (это лишь – следствие), а в полном разрушении и выворачивании наизнанку всех институтов и сфер деятельности – медицины, образования, науки, армии, полиции, промышленности (кроме «трубы»), сельского хозяйства, далее – везде. С моей, реалистической, точки зрения, Россия давно миновала точку возврата и отстала навсегда... Сколь кровавыми или бескровными будут попытки изменить катастрофическую ситуацию – покажет будущее. Кассандра здесь бессильна...

Поясни, пожалуйста, цели преобразования милиции в полицию и оцени первые результаты этой реформы.

Цели заявленные – конечно же, самые благие. Цели латентные – успокоить население, которое боится ментов больше, чем бандитов. Новый Закон о полиции страшнее бывшего Закона о милиции, поскольку законодательно еще больше развязывает руки полиции и законодательно же сокращает субъектов и средства контроля над ней (я об этом конкретно писал на сайтах).

Переименование в полицию опоздало лет на 90... Дело в том, что милиция – это вооруженные отряды населения, обычно в революционный и постреволюционный период (в России до 1918 года). А полиция – орган государственной власти, профессионально обученные, подготовленные, вооруженные кадры по защите населения, юридических лиц, государства от преступных посягательств. Другое дело, что само по себе переименование ничего не меняет.

«Первые результаты этой реформы» – выгнали порядочных сотрудников, не бравших взятки (мешают, «белые вороны!»), оставили всех коррупционеров. Иначе говоря, очистили ряды. Я это также прогнозировал. Не велика мудрость! Отсутствие позитивных результатов такой «реформы» признаются сегодня на самом высоком уровне. Собираются возвращать уволенных (!) и выгонять некоторых оставшихся (!). Поэтому речь идет о новой реформе. Разработана ее «дорожная карта», в числе разработчиков которой мои коллеги, весьма уважаемые люди. Но я не верю в реальность каких бы то ни было позитивных реформ чего бы то ни было в условиях тотального краха... Как говаривал мой друг и коллега профессор Л.И. Спиридонов, «Элемент не может быть лучше системы». А система катастрофическая...

Как ты описываешь твоим иностранным коллегам общую и криминогенную ситуацию в России. В чем ты видишь генезис нынешней ситуации и какой тебе представляется ее динамика?

Иностранным коллегам, так же, как и российским, говорю правду, одну только правду, ничего кроме правды... Правда, без излишних эмоций, которые могут допустить в разговоре с соотечественниками. Я ссылаюсь на официальные данные и комментирую их. Я не скрываю своей негативной оценки status quo. Впрочем, со всем этим можно познакомиться в моих англо- и иноязычных работах.

Теперь об оценке ситуации. Если говорить об общесоциальной ситуации – это слишком долгий разговор. Об этом – в соответствующих разделах моей книги «Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары» (2010) и в статье «Исключенные навсегда». Если коротко – тысячелетнее рабство, холопство, крепостничество, усугубленное современными наследниками СССР и КГБ...

Если о криминальной ситуации, то – то же самое, но конкретизируемое. Например, одним из главнейших криминогенных (девиантогенных) факторов является катастрофическое социально-экономическое неравенство в современной России, намного превосходящее даже СССР. Тогда все были нищие, включая – по нынешним масштабам! – членов Политбюро ЦК КПСС...

Не могу не процитировать: «Росстат недавно опубликовал данные о состоянии кошельков россиян. В крайней нищете в России живут 13,4% населения с доходом ниже 3422 рубля в месяц. В нищете пребывают 27,8% с доходом от 3422 до 7400 рублей. В бедности – 38,8% населения с доходом от 7400 до 17 тыс. рублей. «Богатыми среди бедных» являются 10,9% с доходом от 17 до 25 тыс. рублей. На уровне среднего достатка живут 7,3% с доходом от 25 до 50 тыс. рублей. К состоятельным относятся граждане с доходом от 50 до 75 тыс. рублей. Их число составляет 1,1%». Итого: 41,2% нищих, 49,7% бедных (всего нищих и бедных – 90,9%), 8,4% – состоятельных и «средних» и, очевидно, 0,7% – богатых... И еще: «На долю самых богатых 1% россиян приходится 71% всех активов домохозяйств в России. Для сравнения: в следующих за Россией (среди крупных стран) по этому показателю Индии и Индонезии этот показатель равен 49% и 46%. В среднем в мире этот показатель равен 46%, в Африке – 44%, в США – 37%, в Китае и Европе – 32%, в Японии – 17%» (Е. Гонтмахер, 2013).

Роль социально-экономического неравенства в генезисе преступности и иных девиаций – не секрет, об этом писали К. Маркс и Р. Мертон, П. Сорокин и А. Кетле, М. Гернет и Д. Белл... Но сегодня для современной России это доказано эмпирическими исследованиями и математическим (корреляционным, факторным) анализом их результатов нашей славной «Тюменской школой». Так, динамика тяжких насильственных преступлений (убийство, изнасилование, причинение тяжкого вреда здоровью, разбойные нападения) и самоубийств (!) жестко связана с динамикой индекса Джини (коэффициент корреляции выше 0,80!) и децильным коэффициентом – классическими экономическими показателями неравенства доходов. Я много пишу об этом. Кстати, 7 сентября в Будапеште, на 13-й Конференции Европейского общества криминологов был мой доклад: «Social and Economic Inequality as Criminogenic Factor». Прилетел бы послушать!

Прогноз: «Оптимисты надоели, видят свет в конце туннеля. Отвечаю на вопрос: это встречный паровоз»...

И все же, каковы твои планы на пару грядущих лет, конечно, ЕБЖ?

Строить планы (а) в моем возрасте, (б) в России, (в) в современном мире крайне самонадеянно...

И все же (ЕБЖ). О некоторых планах я уже намекнул выше: надо подготовить в 2014 г. 3-е издание моей «Криминологии» (с предыдущего издания 2009 г. есть что обновлять, добавлять и т.п.); собрать от соавторов и издать (опять же в 2014 г.) коллективную монографию «Творчество как девиантность». Может быть, солидно увеличить «Социальное насилие». Но это уже году в 2015...

Конкретнее видятся мои (наши с Наташей) научно-познавательные поездки. В марте 2014 г. конференция в Бангкоке. Собирается хорошая международная тюремная компания. Мы уже были с ними в Льеже и Дублине. Тема моего заявленного доклада «Women in Russian Prisons». В июле 2014 г. – два моих доклада («Social and Economic Inequality as deviantogenic Factor» и «Sociology of Deviance and Social Control (Deviantology) in Russia») на Мировом социологическом Конгрессе в Йокогаме. В сентябре 2014 г. очередная конференция Европейского общества криминологов в Праге и в июне того же года – 27-ая Балтийская криминологическая конференция в Вильнюсе. А в 2015 г. мне принимать 28-ую конференцию в Питере! Может быть, будет небезынтересна краткая история нашего Балтийского криминологического семинара, переросшего в международную конференцию. Не много начинаний советского периода дожило до сего дня.

К середине 80-х годов минувшего века в СССР сложилась группа криминологов-единомышленников, которым тесные рамки официальной советской криминологии были явно узки (преступность – чуждое советскому народу явление; его причины – капиталистическое окружение и «пережитки капитализма» в сознании людей; нужно «усилить борьбу», чтобы «земля горела под ногами хулиганов» и т. п.). В 1986 г. я обратился к коллегам-единомышленникам с предложением проводить раз в год семинары «своим кругом», на которых мы могли бы говорить, все что думаем, не оглядываясь на официоз (и КГБ...). Дело в том, что еще была советская власть, была цензура, но надвигалась горбачевская «перестройка». Еще многого было нельзя, но уже кое-что можно. И этим хотелось воспользоваться. А поскольку я жил рядом с Прибалтикой, в состав единомышленников входили представители всех трех Балтийских республик, Прибалтика всегда жила чуть свободнее остального Союза (не случайно, большинство моих статей 70-х–80-х годов были опубликованы в Эстонии), то естественно было назвать семинар Балтийским и, по всеобщему согласию, проводить ежегодно поочередно в каждой из республик Прибалтики и в Ленинграде. Предложение было принято, первыми заявили место встречи эстонцы, и в 1987 г. под Тарту состоялся Первый Балтийский криминологический семинар. Проходил он в свободном режиме, на одном из хуторов, и мы общались 24 часа в сутки, перемежая заседания прогулками, сауной, совместными трапезами. Мне кажется, это было прекрасное начало и замечательный союз профессионалов. Некоторые доклады были опубликованы (Тарту, 1988). В аннотации, в частности, говорилось: «Нужно особо отметить, что предлагаемый сборник написан коллективом единомышленников. Расходясь в частности, авторы тем не менее сходятся в главном – в подходе к преступности как к общественному явлению, как проявлению деструктивных процессов в общественном организме».

Наступивший распад СССР, освобождение Латвии, Литвы, Эстонии от советской оккупации и обретение ими независимости постепенно меняют формат семинара. Он преобразуется в международный. Участие в нем начинают принимать коллеги из стран Балтийского региона (Польши, Германии, Финляндии, Норвегии, Швеции), а также других стран – от Венгрии до США. Рабочими языками становятся английский и язык принимающей республики. Отошла в прошлое мотивация первых семинаров – свободный обмен мнениями участников-единомышленников. Добавилась радость общения между друзьями-коллегами из разных теперь независимых государств, разделенных госграницами.

В силу ряда причин, которые я обнаружил при изучении собранных биографических интервью, а их уже свыше полусотни, меня все более интересует «биографичность творчества» социологов. Как ты думаешь, если бы я начал изучать твои публикации (не мемуары) за все годы твоей работы, какое я мог бы составить впечатление о тебе как профессионале и о твоём «общественном лице»?

Если я тебя правильно понял, то в общем виде на твой вопрос ответил Г. Д. Гачев, которого я цитирую в упомянутой монографии о творчестве-девиантности: «те ходы, которые проделывает на уровне абстракции моя теоретическая мысль, связаны с загвоздками и переживаниями моей текущей личной жизни... пишу я, например, о сменах структур образов в истории литературы, а решаю тем проблемы своей жизни: они просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений»¹.

Конечно, в советский (столь ужасно долгий!) период моей деятельности я был по рукам и ногам связан правилами игры. И основоположников цитировал, и Пленумы ЦК КПСС... И все же бунтарский дух можно было обнаружить и в тогдашних моих трудах. (Напомню мое жизненное кредо: «Я отрицаю все, и в этом суть моя»²...). Чем, очевидно, и объясняется крайняя настороженность официоза в науке по отношению к моим публикациям тех лет (да и сегодня!), да и ко мне лично.

Пожалуй, исключением была моя кандидатская диссертация (1967), в которой речь шла о чисто уголовно-процессуальных проблемах, и мой анархизм там никак не проявился. А вот дальше... Неудовлетворенность status quo, положением в советской, а затем пост-советской России постоянно «просвечивают в поворотах, наклонениях и акцентах теоретических построений».

Пара небольших эпизодов. (1) Между советским и пост-советским периодами. Во ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР, где часто проходят интересные криминологические семинары, поставлен мой доклад, что-то о девиантности. Я, тогда еще кандидат наук, выступил, и начинаются прения по докладу. И вдруг первое слово берет вице-президент Академии наук СССР академик В.Н. Кудрявцев – криминолог №1 и по положению (ex officio!) и по вполне заслуженному авторитету. Владимир Николаевич в целом весьма положительно отзывается о моем докладе, высказав несколько дискуссионных положений. После него выступают другие участники семинара, поругивая меня, но в целом не смертельно. Потом начинаю понимать: готовился полный разгром меня! А В.Н. Кудрявцев, хорошо относясь ко мне,

и великолепно зная тогдашнюю московскую научную кухню, САМ ЛИЧНО приехал на вполне заурядное мероприятие, чтобы своим выступлением спасти меня от полного разгрома!

(2) Пост-советский период. Конгресс уголовного права в МГУ. Я уже вполне доктор наук. В кулуарах встречается известная и весьма уважаемая всеми дама – криминолог. Я с расплывшейся улыбкой спешу ей на встречу приветливо поздороваться и слышу в ответ: «Вы уничтожаете криминологию!». Позднее в одном из своих учебных пособий она призывает студентов на каждом семинаре давать отпор научным взглядам Я.И. Гилинского!... De mortuis aut bene, aut nihil. Она скончалась. Я всегда относился к ней и отношусь к ее памяти с искренним уважением. Она беззаветно отстаивала интересы криминологии, как науки. За криминологию готова была «пасть порвать»! Но отношение к «иному», «чуждому» взгляду в ее любимой науке характерно.

Итак, мое «лицо». Вроде профессионал, но все время куда-то заносит. В СССР пытается изучать «чуждые советскому народу» явления, присущие только окончательно догнивающему Западу: самоубийства, проституцию, пьянство! В современной России выступает за легализацию наркотиков, отстаивает нормальность «нетрадиционных ориентаций», оспаривает «полезность» традиционных и милых народу и некоторым профессионалам смертной казни и как можно более длительного лишения свободы. То ли выпендривается, то ли «иностранный агент», отрабатывающий деньги ЦРУ...

Я не знал этого утверждения Гачева, оно мне кажется очень точным, и ты верно «схватил» смысл моего вопроса. Мне представляется, что в твоём случае действительно

¹ Взаимодействие науки и искусства в условиях НТР // Вопросы философии. 1976. №12. С. 132.

² Гилинский Я. И. В: Имя в науке. Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право. Библиографический словарь. Саратов, 2013, с. 104.

можно говорить о «биографичности творчества», так как ты, несмотря на все общественные и личные катаклизмы, достаточно быстро нашел свою поисковую нишу и всегда стремился обжить ее и расширить.

«Несмотря на все общественные и личные катаклизмы». А может, благодаря им? Как всегда, здесь совпадение «закономерностей» и «случайностей». Как ты может быть помнишь, я к концу школы выбирал между философским и юридическим образованием. Нечто философическое (более «широкий», мировоззренческий подход) сопровождает меня всю жизнь (в школьные годы умудрился в домашнем сочинении вставить Маркса и Гегеля, вызвав закономерную реакцию литератора: «Не пишите о том, чего пока еще не понимаете»), а выбранная юридическая карьера наполнила философическую оболочку очень, очень реальным содержанием... Эта же философическая составляющая вывела меня из юридической практики в науку. В чем здесь «закономерность», не знаю, но ощущается. А дальше цепь «случайностей»: случайно оказался на работе в социологической лаборатории НИИКСИ; случайно прочитал работы А. Коэна, Р. Мертона и Дон Мартиндэйла, выведшие меня на «отклоняющееся поведение»; случайно работа в НИИКСИ и старые знакомства в прокуратуре и милиции позволили мне в 70-е годы (!) провести ряд эмпирических исследований самоубийств (изучение материалов уголовных дел) и пьянства (включая опросы – совместно с Наташей, кто же еще на это согласится – в медвытрезвителе). И так всю жизнь...

Удивительно, этот вопрос я отправил тебе после того, как перечитал наш первый разговор. Ну что же, ты счастливый человек, всю жизнь работаешь под воздействием первых, смутных профессиональных представлений, и в этом смысле – озаренный первой любовью... Похоже, это и есть главная причина твоей профессиональной, жизненной успешности... что скажешь?

Трудный вопрос. Не буду возражать против «счастливого человека». Мне действительно, по большому счету, в жизни (в СССР, в России!) крупно повезло. Но есть много «но». Много случайностей.

Но, не забудь, что работал я и подопытной собакой (получая 10 рублей за собако/час). Но, в 1952 г. не поступил в Юридический институт, и только по счастливой случайности спустя два года оказался на юрфаке ЛГУ. До того случайно выжил в блокаду Ленинграда. Случайно в домашней библиотеке отца-врача оказались книги по философии, коими я увлекся со школьной скамьи (помню, как в 9 классе зачитывался Ф. Ницше: «Так говорил Заратустра», «Ессе Номо», а еще раньше – киниками и «Историей философии»). Случайно Владимир Николаевич Кудрявцев приглашал меня, ленинградца, на московские конференции с участием иностранных ученых, в т.ч. профессора Нильса Кристи (Норвегия). Случайно Н. Кристи пригласил меня в 1990 г. на советско-скандинавский симпозиум в Швецию, и я оказался единственным не-москвичем на этом meeting (чем несказанно удивил москвичей...), с которого и начались мои научные поездки по разным странам, от США до Новой Зеландии, от Германии до Японии, от Великобритании до Бразилии и Чили... И еще две случайности.

Наташа жила с родителями на Невском пр., д. 3, а я в те годы работал напротив – в юридической консультации на Невском пр., д. 16. А встретились мы с ней на высоте 3000 м в горах Алтая... И в наступившем 2014 г. будет 50 лет, как мы, сойдя с заоблачных вершин, вместе.

Не попав в 1952 г. в Юридический институт, я чисто случайно оказался на геофаке Российского государственного педагогического института (РГПИ) им. А. И. Герцена. В 1967 г., став кандидатом юридических наук, я случайно начал читать курс «Основы советского государства и права» в РГПИ им. А. И. Герцена, а в 2004 г. мне

случайно предложили возглавить кафедру уголовного права РГПУ (Российского государственного педагогического университета) им. А. И. Герцена, где я и работаю по сей день.

Вот так я и случайно счастливый человек...

Так получилось, что, начав нашу беседу в августе 2013, мы тормознули ее в сентябре и вернулись – в первые дни 2014 года. На мой взгляд, события осени прошлого года характеризовались усилением в стране консервативных трендов в политике и общественной жизни. Так ли это? Если ты согласен с этим утверждение, то в чем ты усматриваешь причины этого процесса?

«Консервативный тренд» мягко сказано... А над твоим вопросом бьются лучшие политологические, экономические, социологические умы современной России! Где уж мне с ними тягаться! А ежели по-простому, не по-научному, то это старая российская история: тысячелетнее рабство, иногда всплески «свободомыслия» правителей и соответственно – оттепелей и перестроек (Александр II, Н. Хрущев, М. Горбачев) с последующим подмораживанием и замораживанием... Редко – «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», а потом десятилетия-столетия «народ безмолвствует»...

Еще короче и современнее: правящая верхушка под руководством выходцев из КГБ-ФСБ, ограбившая всю страну полностью и окончательно, будет держаться «до последнего патрона», защищая награбленное и собственную свободу, личную безопасность. Народ рад «сильной руке», остатки либерастов и дерьмократов либо своевременно уехали (и это – правильно!), либо привычно терпят происходящее, держа фигу в кармане (моя личная фигу – все то, что я пока еще рискую говорить и публиковать...). Ты скажешь – а как же массовые протесты, выходы на площади, выступления «оппозиции»? Да, конечно, XXI век не совсем XVI-й (условно говоря). И современная диктатура не совсем еще сталинская. Но суть-то остается! Диктатура всегда диктатура, и народ вполне привычно безмолвствует. И некоторые отдельные изолированные бунтари (пардон, – революционеры, оппозиционеры) имеют место быть. И курбские из-за границы кулаком машут... Ничем не закончившиеся и ничего не изменившие выходы на площади показали оппозиционерам и власти, что status quo пока непоколебим. Это не исключает самых неожиданных изменений (экономический крах, дворцовый переворот, развал страны, «маленькая победоносная война» и т. д., и т. п., и проч.). Но, боюсь, российская тысячелетняя данность – безграничная власть наверху и покорное большинство внизу – сохранится... Ибо в стране развалено всё и преодолеть это практически невозможно с той базой и с тем народонаселением, кои имеют место быть (см. мою статью «Исключенные навсегда», вывешенную на различных сайтах, частично опубликованную в «Независимой Газете» и полностью – в сборнике статей: Гилинский Я. «Девиантность, преступность и социальный контроль в «Новом мире»». СПб, 2013, с.226-234. Кстати, статья вызвала весьма одобрительную реакцию А. Янова). А освобождение незаконно осужденных М. Ходорковского, девушек Pussy Riot, гринписовцев, нескольких «болотных» – вынужденная дань внешнему нажиму накануне Олимпиады. Ибо сегодня Олимпиада – «наше всё»... А вот уж закончится...

Яша, какое-то хронологическое пифагорейство... Посмотри начало этого интервью, я говорю в нем о совпадении дат... Там фигурирует 9 января 2005 года, сегодня – 5 января 2014 года... посути, наш разговор не прерывался точно девять лет... спасибо тебе... всегда рад его продолжить...